

А.Н. ТАТАРКО,
А.А. МИРОНОВА

Индивидуальные ценности и отношение к коррупции: кросскультурный анализ*

Исследование направлено на поиск культурно-психологических факторов, влияющих на индивидуальные установки по отношению к коррупции. Методики исследования: 1) PWQ-R (Ш. Шварц); 2) оценка приемлемости коррупционного поведения (авторская методика). Выборка представлена несколькими подгруппами: россиянами (269 человек), латышами (178 человек), немцами (101 человек), французами (108 человек). Данные обрабатывались при помощи мульти-группового моделирования структурными уравнениями. Исследование позволило выявить ряд универсальных для четырех рассмотренных культур закономерностей. Показано, что ценности *Конформизм – Правила* и *Универсализм – Забота о других* демонстрируют универсальные отрицательные связи с приемлемостью коррупции. Данные ценности выступают в роли ограничителей коррупционного поведения. В статье также рассматриваются культурно-специфические связи ценностей с приемлемостью коррупции. В частности, ценности *Власть – Ресурсы* были позитивно связаны с приемлемостью коррупции только в России.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное поведение, приемлемость коррупции, индивидуальные ценности, кросскультурный анализ.

Коррупция может быть определена как злоупотребление служебным положением или властью в целях личной выгоды [Svensson 2005; Park 2003; Klaveren van 1989; Heidenheimer 1989; Lambsdorff 2006]. И хотя коррупция может рассматриваться как “смазка колеса экономики” [Meon, Sekkat 2005], все же общепринято представление, что в целом она оказывает негативное влияние на общество и существует во многих странах. Коррупция имеет неблагоприятные последствия в сферах как социальной справедливости, так и оптимального распределения государственных средств [Gupta, Davoodi, Alonso-Terme 2002; Meon, Sekkat 2005].

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Татарко Александр Николаевич – доктор психологических наук, доцент департамента психологии Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, ведущий научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований. Адрес: 109316 Москва, Волгоградский просп., 466. E-mail: tatarko@yandex.ru

Миранова Анна Алексеевна – стажер-исследователь Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, младший научный сотрудник Центра семейной политики и качества жизни Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 109316 Москва, Волгоградский просп., 466. E-mail: nusa13@rambler.ru.

Безусловно, в обществах с высоким уровнем коррупции существуют объективные обстоятельства, которые упрощают реализацию коррупционных сделок. Например, в странах, где коррупция широко распространена, участие в таких сделках оказывается более простым, с точки зрения скоординированности членов общества. Там, где наблюдается высокий уровень коррупции, легче найти потенциального “партнера” для коррупционной сделки, у которого уже есть определенные “компетенции” в данной сфере [Della Porta, Vannucci 1999]. Кроме того, в коррумпированных обществах контролирующие органы могут быть сами вовлечены в коррупционную деятельность, что снижает вероятность уличения и наказания индивида [Lui 1986].

Существование коррупции обусловлено рядом структурных характеристик общества – политическими, экономическими, институциональными и социально-культурными особенностями, в числе последних в литературе рассматриваются культурные ценности. В частности, в работе Р. Инглхарта и К. Вельцеля [Welzel, Inglehart 2010] рассматривалась связь выделенных Р. Инглхартом и У. Бейкером [Inglehart, Baker 2000] измерений ценностей выживания–самовыражения (Survival values versus Self-expression values) и традиционно–секулярно–рациональных ценностей (Traditional values versus Secular-rational values) и уровня коррупции на уровне стран. В их исследовании было показано, что ценности самовыражения могут снижать побуждение к коррупционным действиям, так как они ставят заботу об интересах общества выше личной выгоды. Схожие результаты были получены в исследовании У. Зандхольца и Р. Таагепера [Sandholtz, Taagepera 2005]. Однако такой подход никак не учитывает индивидуальные и психологические характеристики людей. Ценности рассматриваются на культурном уровне, но они не существуют вне людей, и руководят ценности именно поведением людей на индивидуальном уровне. Таким образом, представляется важным изучение того, как связаны ценности и отношение к коррупции на индивидуальном уровне.

Индивидуальные характеристики людей сравнительно недавно стали объектом изучения в контексте исследований проблем коррупции [Dong, Dulleck, Torgler 2012; Dong, Torgler 2009; Guerrero, Rodríguez-Oreggia 2008; Mocan 2008; Torgler, Valev 2010]. Однако чаще изучается роль социально-демографических характеристик: роль образования, дохода, гендерные различия и др. [Mocan 2008; Torgler, Valev 2006; Torgler, Valev 2010]. Индивидуально-психологические факторы, связанные с коррупцией, изучены недостаточно. При этом в тех работах, где индивидуально-психологические характеристики рассматриваются, исследователи уделяют большее внимание индивидуальному детерминантам коррупционного поведения со стороны **взятополучателя** [Berninghaus, Haller, Krüger, Neumann, Schosser, Vogt 2013; Bendahan, Zehnder, Pralong, Antonakis 2015]. Безусловно, это важно, однако изучение психологических особенностей того, кто готов давать взятки, также важно, поскольку те, кто дают взятки, поддерживают культуру коррупции и способствуют сохранению той среды, в которой коррупция существует. Проще говоря, вымогательство и дача взятки – “две стороны одной медали”; одно не существует без другого. Терпимое отношение людей к данному явлению играет важнейшую роль в сохранении коррупции в обществе.

В литературе в качестве индивидуально-психологических факторов, влияющих на отношение к коррупции, рассматривались различные установки личности. Среди них, например, политические [Chang, Kerr 2009], такие черты личности, как высокомерие и нарциссизм, которые позитивно связаны с коррупцией [Judge, LePine, Rich 2006; Judge, Piccolo, Kosalka 2009], честность как личностная черта, которая препятствует коррупции [Bendahan, Zehnder, Pralong, Antonakis 2015]. Однако в существующих исследованиях не рассматривалось влияние индивидуальных ценностей на отношение к коррупции. Ценности связаны с различными видами поведения людей [Bardi, Schwartz 2003; Schwartz 2006]. Соответственно, можно предположить, что они будут влиять на приемлемость/неприемлемость для личности коррупции, то есть готовность/неготовность давать взятку.

Ценности, которые являются абстрактными принципами, отражают базовые потребности людей [Rohan, Zanna 1996; Braithwaite 1997], направляют поведение индивида и склоняют его в пользу того или иного выбора в условиях альтернатив, поскольку люди имплицитно предполагают, что такой выбор поможет в удовлетворении их потребностей. Соответственно, в зависимости от доминирующих потребностей, будут “срабатывать” те или иные ценности, либо препятствуя, либо способствуя одобрению коррупции. Такая схема представляется несколько упрощенной, поскольку также имеет значение моральная сфера личности и социокультурный контекст, который либо благоприятствует, либо препятствует коррупции. Однако, при прочих равных условиях, ценности играют решающую роль – “склоняют чашу весов” в пользу того или иного выбора.

Ниже рассмотрим теорию индивидуальных ценностей Ш. Шварца, которая в настоящее время довольно популярна и цитируема. Ее мы выбрали в качестве базового теоретического основания для кросскультурного исследования взаимосвязи базовых ценностей личности и приемлемости коррупции.

Базовые человеческие ценности

К индивидуальным базовым ценностям относятся основополагающие принципы, представления относительно желаемого и важного. Иными словами, каждая ценность руководит нашим поведением свойственным ей образом вне зависимости от ситуации. Поэтому ценности могут регулировать степень приемлемости коррупционного поведения для личности. В теории базовых ценностей Шварца ценности определяются как мотивационные, надситуативные цели, служащие руководящими принципами в жизни людей [Schwartz 1992]. В первоначальной версии теория описывала 10 базовых человеческих ценностей: Власть (power), Достижение (achievement), Гедонизм (hedonism), Стимуляция (stimulation), Самостоятельность (self-direction), Универсализм (universalism), Благожелательность (benevolence), Традиция (tradition), Конформность (conformity) и Безопасность (security). Тестирование данной теории более чем на 300 выборках из 70 стран позволило подтвердить данную модель ценностей. Несколько лет назад Шварц усовершенствовал и уточнил теорию базовых индивидуальных ценностей [Schwartz, Vecchione, Fischer, Ramos, Demirutku, Dirilen-Gumus, Cieciuch, Davidiv, Beierlein, Verkasalo, Lönnqvist, Konty 2012], включив в нее 19 ценностей. Уточненный вариант имеет большие эвристические и предсказательные возможности по сравнению с исходной теорией. В таблице 1 представлены 19 ценностей уточненной теории и дается определение каждой из них.

Исходная теория ценностей определяет порядок расположения ценностей по кругу. Шварц [Schwartz 1992; Schwartz 1994] основывал порядок расположения ценностей на отношениях конфликта или совместимости каких-либо ценностей (например, Самостоятельность и Конформизм). Второй фактор, определяющий порядок ценностей, – их нацеленность на личные (например, Гедонизм) или социальные (например, Благожелательность) результаты. Дальнейшее усовершенствование теории добавило также другие основания для определения порядка [Schwartz 2006]: является ли целью для данной ценности избегание тревоги (например, Безопасность) или же относительная свобода от тревоги (Универсализм); помогает ли она справляться с угрозами извне (например, Власть) или способствует саморазвитию и росту (например, Благожелательность). Основываясь на таких теоретических представлениях, Шварц с коллегами разработали круговую схему расположения 19 ценностей.

Базовые ценности личности лежат в основе установок, которые, в свою очередь, руководят поведением людей [Schwartz, Caprara, Vecchione 2010]. В рамках настоящего исследования мы рассматриваем связь ценностей с установками по отношению к коррупции.

Девятнадцать ценностей уточненной теории

Ценность	Концептуальное определение с точки зрения мотивационной цели
Самостоятельность – Мысли	Свобода развивать собственные идеи и способности
Самостоятельность – Поступки	Свобода определять собственные действия
Стимуляция	Стремление к возбуждению, новизне и переменам
Гедонизм	Стремление к удовольствию и чувственному удовлетворению
Достижение	Достижение успеха в соответствии с социальными стандартами (нормами)
Власть – Доминирование	Влияние посредством осуществления контроля над людьми
Власть – Ресурсы	Влияние посредством контролирования материальных и социальных ресурсов
Репутация	Защита и влияние посредством поддержания публичного имиджа и избегания унижения
Безопасность – Личная	Безопасность непосредственного окружения
Безопасность – Общественная	Безопасность и стабильность общества в целом
Традиция	Поддержание и сохранение культурных, семейных или религиозных традиций
Конформизм – Правила	Соблюдение правил, законов и формальных обязательств
Конформизм – Межличностный	Избегание причинения вреда или огорчения другим людям
Скромность	Признание незначительности существования одного человека в круговороте жизни
Универсализм – Забота о других	Стремление к равенству, справедливости и защите всех людей
Универсализм – Забота о природе	Сохранение природной среды
Универсализм – Толерантность	Принятие и понимание тех, кто отличаются от тебя
Благожелательность – Забота	Преданность группе и благополучие ее членов
Благожелательность – Чувство долга	Стремление быть надежным и заслуживающим доверия членом группы

Источник [Шварц, Бутенко, Седова, Липатова 2012].

Ценности и приемлемость коррупции: гипотезы исследования

Установки по отношению к коррупции могут рассматриваться с двух позиций как установки (потенциального) взяткополучателя и как установки (потенциального) взяткодателя. В рамках настоящего исследования мы сосредоточимся на рассмотрении установок потенциального взяткодателя и *общей толерантности к принятию и предложению взятки*. В качестве основной зависимой переменной мы будем рассматривать *приемлемость для личности коррупционных отношений или сокращенно – “приемлемость коррупции”*. В данное понятие мы включаем совокупность представлений личности о том, насколько допустимо прибегать к коррупции как к инструменту достижения своих целей, то есть в различных ситуациях использовать возможности подкупа государственных служащих. Такой индикатор хорошо репрезентирует отношение личности к коррупции. Если в обществе в целом распространено лояльное отношение к коррупции, то искоренить ее, конечно, сложно.

Ценностные ориентации выступают своего рода ориентирами на социальном пространстве и, таким образом, влияют на отношение членов общества к коррупции и являются важным фактором, объясняющим коррупционное поведение [Davis, Ruhe 2003; Park 2003; Husted 1999]. Формирование ценностей, связанных с нетерпимым от-

ношением к коррупционному поведению, – важнейшая мера профилактики коррупции в обществе [Бинюкова 2012; Mansilla 2003; Welzel, Inglehart, Klingemann 2003].

Проанализировав: а) смысловое содержание каждой из ценностных ориентаций и б) существующие исследования, близкие по тематике, мы пришли к выводу, что пять ценностных ориентаций могут быть связаны с отношением к коррупции. Прежде всего следует заметить, что те ценностные ориентации, которые связаны с отношением к коррупции, могут быть условно разделены на два типа: 1) ценности, препятствующие приемлемости коррупционного поведения; 2) ценности, способствующие приемлемости коррупционного поведения.

К числу ценностей, препятствующих приемлемости коррупционного поведения, относятся: Конформизм–Правила, Универсализм–Забота о других и Безопасность–Личная.

Ценность Конформизм–Правила отражает соблюдение правил, законов и формальных обязательств. Соответственно, высокая важность данного типа ценностей для личности мотивирует ее следовать законам и делает коррупционные отношения менее приемлемыми для личности. Отсюда **Гипотеза 1: Чем выше значение ценности Конформизм–Правила, тем ниже приемлемость коррупции для личности.**

В основе ценности Универсализм–Забота о других лежит мотивация стремления к равенству, справедливости и защите всех людей. Следовательно, высокая важность данного типа ценностей мотивирует личность к отказу от противозаконных действий, к которым относится и коррупция. **Гипотеза 2: Чем выше значение ценности Универсализм–Забота о других, тем ниже приемлемость коррупции для личности.**

Ценность Безопасность предполагает стремление к стабильности, безопасности и гармонии общества, семьи и самого индивида. Данная ценность связана с потребностью в предсказуемости мира, снижении неопределенности [Schwartz 2005]. В данном контексте коррупция рассматривается как риск: так как работник, уличенный в коррупции, может не только потерять работу, но и быть публично униженным. Осознание этих рисков ведет к беспокойству, нарушая гармоничность и стабильность жизни. Поэтому люди, у которых выражена ценность Безопасность, с меньшей вероятностью допускают коррупционную деятельность. Неудовлетворенность финансовым положением семьи усиливает влияние ценности Безопасность на принятие коррупции: так как если акт коррупции будет разоблачен, то и без того затруднительное финансовое положение семьи усугубится [Pande, Jain 2014].

В усовершенствованной теории ценностных ориентаций Шварц разделил ценности Безопасности на два типа: Безопасность–Личная и Безопасность–Общественная. Когда человек попадает в ситуацию, связанную с необходимостью дачи взятки или ему предлагают взятку, то влиять на принятие решения в такой ситуации может только ценность Безопасность–Личная, поскольку в данном случае речь идет об угрозе личной безопасности индивида, а не безопасности общества.

Предположение, что приемлемость коррупции отрицательно связана с ценностями Безопасность–Личная, основано на том, что стремление к безопасности и готовность рисковать, с точки зрения логики, связаны отрицательно. В ряде исследований [Berninghaus, Haller, Krüger, Neumann, Schosser, Vogt 2013] показано, что склонность к риску – один из факторов, который позитивно влияет на склонность личности принимать решения в пользу коррупционного поведения в условиях альтернатив. Следовательно, мы можем предположить, что выраженность ценности Безопасность–Личная будет негативно связана со склонностью к риску, а значит, и с приемлемостью коррупции для личности. Отсюда **Гипотеза 3: Чем выше значение ценности Безопасность–Личная, тем ниже приемлемость коррупции для личности.**

К числу ценностей, способствующих приемлемости коррупционного поведения, относятся Власть–Доминирование и Власть–Ресурсы. Ценности Власти отражают важность для индивида социального статуса, престижа, стремления доминировать и обладать ресурсами. Люди, у которых ценности Власти выражены слабо, менее склонны к участию в коррупции, так как для них коррупционная деятельность не несет субъек-

тивно значимой выгоды. Соответственно, чем выше важность ценностей Власти, тем выше вероятность, что личность будет более одобрительно или терпимо относиться к коррупции [Pande, Jain 2014]. Стремление к власти, обладание властью самой по себе уже создает риски использования ее в личных или коррупционных целях. Показано, что лидеры, обладающие большей властью, склонны к более высокой коррупции, чем лидеры, обладающие меньшей властью [Bendahan, Zehnder, Pralong, Antonakis 2015].

Соответственно, мы можем выдвинуть две гипотезы. **Гипотеза 4:** *Чем выше значение ценности Власть–Доминирование, тем выше приемлемость коррупции для личности.* **Гипотеза 5.** *Чем выше значение ценности Власть–Ресурсы, тем выше приемлемость коррупции для личности.*

Отношение к коррупции и коррупционное поведение в различных странах отличается, что было показано, в том числе и в ходе экспериментальных исследований [Cameron, Chaudhuri, Erkal, Gangadharan 2005]. В этой связи возникает вопрос – одинаково ли влияние на приемлемость коррупции базовых человеческих ценностей в различных культурах или все различия в коррупции скорее связаны с культурой и институциональной средой? Или ценности также могут влиять на коррупцию по-разному?

Вопрос о том, насколько культурно универсальны связи данных ценностей с приемлемостью коррупции в европейских странах (включая Россию) остается открытым. Постараемся ответить на него по итогам проведенного исследования.

Организация, процедура и метод исследования

Исследование проводилось с помощью онлайн платформы Qualtrics. Для сбора ответов респондентов использовался метод “снежного кома”. Всего в исследовании приняли участие 705 человек. Выборка представлена несколькими подгруппами: россиянами, гражданами Латвии, Германии и Франции. Для каждой группы опросник был переведен носителем языка. Подробные характеристики выборки представлены в таблице 2.

Опрос проводился на добровольной основе: респонденту давалось краткое описание исследования и предлагалось выразить согласие на участие в исследовании.

Исследование проводилось при помощи ряда подобранных или специально разработанных методик, направленных на изучение: (1) базовых индивидуальных ценностей; (2) одобрения коррупционного поведения.

При анализе *ценностей* нами использовалась новая русскоязычная версия опросника ценностей Шварца и его коллег, которая включает 57 вопросов для измерения 19 индивидуальных ценностей (PWQ-R). Респонденту предлагалось по каждому вопросу оценить, насколько похож на него описанный человек, по шестибальной шкале от “совсем не похож на меня” до “очень похож на меня”. В соответствии с ключом высчитывалось среднее значение для каждой из 19 ценностей.

Измерение *приемлемости для индивида различных видов повседневной коррупции* – одобрение коррупционного поведения – проводилось с использованием модифицированной нами версии методики А. Кубиак: пункты данной шкалы разрабатывались самостоятельно на основе методики, представленной в [Kubiak 2001]. Ситуации разрабатывались так, чтобы описываемые виды коррупционного поведения были релевантны четырем культурам: России, Латвии, Германии, Франции, то есть чтобы данные виды поведения были потенциально возможны во всех четырех культурах. Респонденту предлагалось оценить по пятибальной шкале (от “не допустимо” до “допустимо”) восемь ситуаций, в которых описаны разные виды коррупционного поведения (см. Приложение). В процессе обработки подсчитано общее среднее значение по шкале.

В конце опросника представлен демографический блок: пол, возраст, образование, род занятий, национальность, религиозная принадлежность и уровень религиозности. Обработка данных проводилась с помощью пакета статистических программ SPSS19.0 и AMOS20.0. Для проверки гипотез исследования были использованы ANOVA, мультигрупповой конфирматорный факторный анализ и моделирование структурными уравнениями.

Характеристики выборки исследования¹

Группа	Пол, %		Возраст, М	Образование
	муж.	жен.		
Россияне (N=269)	32,7	67,3	33	высшее образование – диплом специалиста
Латыши (N=178)	48,9	51,1	39	среднее профессиональное образование (техникум, училище, колледж)
Немцы (N=101)	17,7	82,3	34	высшее образование – диплом специалиста
Французы (N=108)	47,2	52,8	33	начальное профессиональное образование с полным средним образованием
Всего (N=705)	36,7	63,3	34	высшее образование – диплом бакалавра

Результаты исследования

Верификация шкалы одобрения коррупции. Первый этап анализа был посвящен верификации предложенной авторами шкалы одобрения коррупции. По результатам мультигруппового конфирматорного факторного анализа были удалены те ситуации, которые ослабляли инвариантность. В результате для дальнейшей обработки было оставлено пять ситуаций из первоначальных восьми. Это ситуации №№ 1, 3, 4, 6, 8 (см. Приложение). В таблице 3 представлена статистика согласия для конфигурационной, метрической и скалярной инвариантностей. Ее данные показывают, что итоговая модель обладает конфигурационной инвариантностью, метрической ($\Delta CFI < 0,01$) и скалярной инвариантностью ($\Delta CFI = 0,01$). Это позволяет нам сравнивать средние значения показателей индекса приемлемости коррупции, полученные в разных группах.

Таблица 3

Статистики согласия моделей мультигруппового конфирматорного факторного анализа для шкалы одобрения коррупции (4 группы)

Модель инвариантности	CFI*	ΔCFI	Значение ***RMSEA	Верхняя граница 90% доверительного интервала RMSEA	AIC**	Хи-квадрат	Степени свободы
Конфигурационная	0,995		0,021	0,061	145,484	25,5	20
Метрическая	0,989	0,006	0,025	0,060	145,590	44,5	32
Скалярная	0,978	0,012	0,064	0,066	238,869	169,4	47

*CFI – comparative fit index (сравнительный индекс согласия),

**AIC – Akaike information criterion (информационный критерий Акаике),

***RMSEA – root mean square error of approximation (корень квадрата ошибки аппроксимации).

В таблице 4 представлены средние значения отклонения шкалы оценки приемлемости коррупции для каждой из четырех стран и показатели Индекса восприятия коррупции – Corruption perception index (за 2015 г., так как в течение данного года были собраны эмпирические данные) для каждой из четырех стран. В последних двух столбцах таблицы приводятся ранги стран, согласно результатам, полученным нами

¹ Авторы выражают благодарность коллегам: J. Haeuberer, J. Weihs и Л. Григорян за помощь в сборе данных в Германии; О. Кулишовой – за помощь в сборе данных во Франции; Т. Канонир – за помощь в сборе данных в Латвии, а также С. Чувашову – за помощь в сборе данных в России.

Средние значения авторской шкалы одобрения коррупции и показатели индекса восприятия коррупции

	Шкала одобрения коррупции (М)	Индекс восприятия коррупции (М)	Шкала одобрения коррупции (Ранг)	Индекс восприятия коррупции (Ранг)
Россияне	2,35	29	1	1
Французы	2,30	70	2	3
Латыши	1,80	55	3	2
Немцы	1,51	81	4	4

Таблица 5

Средние значения ценностей

	Русские		Французы		Латыши		Немцы		ANOVA
	М	σ	М	σ	М	σ	М	Σ	F
Приемлемость коррупции (5-балльная шкала)	2,4	0,91	2,3	0,97	1,9	0,77	1,5	0,63	29,79***
Конформизм–Правила (6-балльная шкала)	3,4	1,1	2,9	0,98	3,6	0,85	3,5	1,05	14,77***
Универсализм–Забота (6-балльная шкала)	4,2	0,81	4,0	0,91	4,5	0,73	4,9	0,79	23,92***
Безопасность–Личная (6-балльная шкала)	4,3	0,73	4,3	0,86	3,8	0,76	4,2	0,60	17,06***
Власть–Доминирование (6-балльная шкала)	2,9	1,04	2,9	1,1	3,0	1,08	2,5	0,95	5,93***

* – $p \leq 0.05$, ** – $p \leq 0.01$, *** – $p \leq 0.001$.

с использованием шкалы приемлемости коррупции, и другому общепринятому и известному показателю – Индексу восприятия коррупции [Transparency International 2015].

Результаты, представленные в таблице 4, указывают на то, что ранговый порядок стран, согласно результатам авторской шкалы и данным Индекса восприятия коррупции, очень близок. Наибольшее соответствие по обоим показателям наблюдается у Германии и России. Во Франции одобрение коррупции выше, чем в Латвии, однако фактически уровень ее ниже, чем в Латвии. Вероятнее всего, это указывает на то, что институциональные и законодательные ограничения коррупции во Франции выше, чем в Латвии, несмотря на довольно лояльное отношение французов к коррупции.

Оценим статистическую значимость межстрановых различий значений Индекса воспринимаемой коррупции, а также ценностей, являющихся предикторами данного индекса. Для оценки значимости различий мы использовали однофакторный дисперсионный анализ.

Мультигрупповой анализ влияния ценностей на приемлемость коррупции. Далее мы оценивали влияние ценностей на приемлемость коррупции. Первоначально аналогичным образом провели мультигрупповой анализ для оценки инвариантности построенной модели, результаты которого приводятся в таблице 6. Ее данные показывают, что инвариантность модели не является достаточной для четырех наших выборок. Поэтому мы анализируем стандартизированные регрессионные коэффициенты для каждой из четырех выборок по отдельности.

Статистика согласия моделей мультигруппового моделирования, полученная при помощи структурных уравнений влияния ценностей на коррупционное поведение при учете приемлемости коррупции (4 группы)

Модель инвариантности	CFI*	Δ CFI	Значение ***RMSEA	Верхняя граница 90% доверительного интервала RMSEA	AIC**	Хи-квадрат	Степени свободы
Конфигурационная	0,973		0,08	0,116	291,752	19,75	4
Метрическая	0,952	0,021	0,05	0,066	225,150	47,15	19
Скалярная	0,894	0,058	0,07	0,083	256,394	84,39	22

*CFI – comparative fit index (сравнительный индекс согласия),

**AIC – Akaike information criterion (информационный критерий Акаике),

***RMSEA – root mean square error of approximation (корень квадрата ошибки аппроксимации).

Влияние ценностей на приемлемость коррупции в четырех странах

Предикторы (ценности) и показатели качества моделей	Стандартизированные регрессионные веса			
	Россия	Франция	Германия	Латвия
Конформизм – Правила	-0,15**	-0,12	-0,41***	-0,27***
Универсализм – Забота о других	-0,22***	-0,31**	0,06	-0,23**
Власть–Доминирование	0,10	0,11	0,12	-0,12
Власть–Ресурсы	0,18*	-0,06	-0,10	0,07
Безопасность–Личная	0,09	-0,03	0,01	0,06
R^2	0,22	0,14	0,20	0,20
χ^2 / df	1,5	1,2	1,03	1,4
CFI	0,96	0,99	0,99	0,99
RMSEA	0,04	0,05	0,02	0,05
PCLOSE	0,45	0,40	0,47	0,41

* – $p \leq 0,05$, ** – $p \leq 0,01$, *** – $p \leq 0,001$.

CFI – comparative fit index (сравнительный индекс согласия),

RMSEA – root mean square error of approximation (корень квадрата ошибки аппроксимации)

χ^2 / df – отношение критерия “хи-квадрат” к количеству степеней свободы.

Далее были построены четыре путевые модели – по одной для каждой выборки, оценивающие влияние ценностей на приемлемость коррупции в четырех выборках. Путевой анализ выбран по той причине, что нам необходимо было учесть взаимосвязи между ценностями, которые, согласно теории Шварца [Schwartz 1994; Schwartz 2006], не являются независимыми, а взаимосвязаны. Также предварительно мы оценивали влияние демографических переменных (пола и возраста), но их влияние на приемлемость коррупции оказалось статистически незначимым в рассматриваемых группах.

Прежде всего, опираясь на данные, приведенные в таблице 7, можно сказать, что индивидуальные ценности действительно оказывают некоторое влияние на приемлемость коррупции в четырех рассматриваемых странах. Индивидуальные ценности объясняют от 14% (во Франции) до 22% (в России) дисперсии приемлемости коррупции. В Германии и Латвии этот показатель составляет 20%. Таким образом, можно заметить, что влияние индивидуальных ценностей на приемлемость коррупции впол-

не существенно, но его нельзя назвать определяющим. Выявленные межстрановые сходства и различия во влиянии ценностей на приемлемость коррупции обсуждаются в следующем разделе настоящей работы.

Сходства и различия во влиянии ценностей на приемлемость коррупции

Проведенное исследование показало, что индивидуальные ценности влияют на приемлемость коррупции, однако тут существуют межстрановые различия. Две ценности оказывают ограничивающее влияние на приемлемость коррупции – Конформизм–Правила и Универсализм–Забота о других. Если обратиться к содержанию данных ценностей, то можно прийти к заключению, что данные ценности оказывают ограничивающее действие различными способами. В случае с ценностью Конформизм–Правила – это, скорее, внешнее ограничение, готовность следовать формальным правилам. В случае с ценностью Универсализм–Правила против приемлемости коррупции работает не внешняя, а внутренняя мотивация, связанная с определенными моральными установками.

В одних культурах работает преимущественно внешняя мотивация, следование правилам (Германия, причем регрессионная связь довольно высокая). В других культурах действует преимущественно внутренняя мотивация (Франция). Также есть культуры, в которых против приемлемости коррупции направлены обе ценности или оба вида мотивации (Россия, Латвия). Хотелось бы обратить внимание на Россию. Стандартизированный регрессионный коэффициент отрицательной связи с приемлемостью коррупции ценностей Конформизм–Правила у россиян ниже, чем связь ценностей Универсализм–Забота о других. То есть законы и формальные правила ограничивают приемлемость коррупционного поведения у россиян меньше, чем внутренние моральные стандарты. Это обусловлено прежде всего тем, что законы в России традиционно воспринимаются как несправедливые, что позволяет людям опираться на внутренние стандарты (что приводит к возникновению так называемого феномена “нравственной лжи”) при оценке справедливости собственных действий [Знаков 1997].

Выдвинутые гипотезы получили различное подтверждение в разных странах. **Гипотеза 1** получила подтверждение в большинстве стран: в России, Германии и Латвии. То есть ценность Конформизм–Правила (готовность к соблюдению правил, законов) ограничивает приемлемость коррупционного поведения для личности. Во Франции данная ценность очень слабо (незначимо) влияет на приемлемость коррупционного поведения. Сдерживающая по отношению к коррупции роль ценностей, направленных на заботу о своем обществе, соблюдении в нем правил и законов, была также выявлена и в других исследованиях, выполненных в рамках иных подходов к измерению ценностей [Welzel, Inglehart 2010]. В частности, показано, что низкий уровень коррупции связан с такой переменной, как “забота об интересах общества” [Welzel 2010].

Гипотеза 2 также получила подтверждение в большинстве стран, принявших участие в исследовании. Выраженность ценности Универсализм – Забота о других (стремление к равенству, справедливости) ограничивает приемлемость коррупции в таких странах, как Россия, Франция, Латвия.

Гипотезы 3 и 4 не получили подтверждения ни в одной из стран. А **Гипотеза 5** о связи ценности Власть–Ресурсы с приемлемостью коррупции подтверждена только на российской выборке. Эти результаты вполне закономерны для России, поскольку российская культура характеризуется довольно большим значением дистанции власти [The Hofstede centre... 2016]. И власть в России служит источником доступа к различным ресурсам, особенно к финансовым. На уровне стран аналогом индивидуальной ценности Власть является ценность Иерархия [Schwartz 1994]. Ценность Иерархия позитивно сопряжена с уровнем коррупции в стране в целом [Schwartz 2004]. Однако на индивидуальном уровне само по себе стремление к власти (ценность Власть–Доминирование) не сопряжено с коррупционными рисками. Такие риски возникают, если

для индивида власть важна как источник ресурсов (ценность Власть–Ресурсы); данная связь была обнаружена на российских данных. Выскажем предположение, что такая связь может быть характерна для стран с высокой дистанцией власти, ибо из нашей выборки стран только Россия имеет большую дистанцию власти. Однако это лишь предположение, нуждающееся в дальнейшей проверке.

Нет такой ценности, которая бы влияла похожим образом на приемлемость коррупции во всех четырех рассматриваемых культурах. Вероятно, поэтому мультигрупповое моделирование структурными уравнениями не позволило построить модель с надежными параметрами. Ценности влияют на приемлемость коррупции, есть схожее влияние в некоторых из рассматриваемых групп, но определенно нет универсалий во всех четырех группах.

Таким образом, мы видим, что коррупция в обществе зависит не только от институциональной сферы, но и от доминирующих ценностей людей. Пока в обществе высоки ценности Власти (только в случае с Россией) и низки ценности Универсализма и Конформизм–Правила (готовности следовать законам) коррупция будет воспроизводить сама себя, так как существующие ценности будут ее поддерживать. Институциональные преобразования важны, однако они должны также подкрепляться и более глубинными изменениями – в ценностях. Иначе люди станут искать обходные пути для коррупции, и усложнение законов будет только увеличивать риски для коррупционеров, а следовательно, и размеры взяток.

Однако важно обратить внимание на то, что наше исследование показывает в целом ограничивающую роль ценностей по отношению к приемлемости коррупции (см. табл. 7). Отрицательных связей ценностей с приемлемостью коррупции больше, чем положительных, и значения отрицательных связей – выше. То есть индивидуальные ценности в основном выполняют позитивную роль и, скорее, ограничивают коррупционное поведение, чем побуждают к нему.

Примечательно, что ценность Безопасность–Личная не влияет на приемлемость коррупции ни в одной из четырех стран, в которых мы проводили опрос. Хотя есть теоретическое основание предполагать наличие такого влияния. Таким образом, личная безопасность или боязнь наказания не является достаточно сильным фактором, побуждающим людей избегать ситуаций, связанных с коррупцией. Это позволяет прийти к заключению, что ужесточением законов сложно бороться с коррупцией. Более жесткие законы апеллируют к индивидуальным ценностям безопасности, но эти ценности не связаны с отношением личности к коррупции.

Этот вывод согласуется с результатами экспериментальных исследований, проведенных по схожей тематике [Belianin, Kosals 2015]. Проведя эксперимент, в котором участвовали полицейский и студенты, данные авторы показали, что если интенсивность антикоррупционного контроля возрастает, а социальные нормы, одобряющие коррупцию, остаются неизменными, то коррупция не уменьшается, а увеличивается. Коррупционное поведение в этом случае становится более рискованным, и полицейским, чтобы сохранить прежнюю “норму прибыли”, приходится просто брать больше взяток или увеличивать размер взятки. Это объясняет, почему в России на фоне интенсивной борьбы с коррупцией средний размер взятки, согласно статистическим данным, только растет [Средний размер...].

* * *

В ходе проведенного исследования мы разработали методику оценки приемлемости коррупции, которая является валидной, надежной, продемонстрировавшей приемлемый уровень инвариантности для четырех стран – России, Франции, Латвии и Германии. Обобщая результаты, можно сказать, что в целом исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. В целом индивидуальные ценности (измеренные в соответствии с концепцией Шварца) имеют больше отрицательных связей с одобрением личностью коррупции,

чем положительных. То есть индивидуальные ценности играют важную роль в ограничении коррупционного поведения, но не в его стимулировании.

2. Две ценности оказывают ограничивающее влияние на приемлемость коррупции. Это Конформизм–Правила (внешняя мотивация, готовность следовать формальным правилам) и Универсализм – Забота о других (внутренняя мотивация, связанная с определенными моральными установками). Показано, что в одних культурах работает преимущественно внешняя мотивация, следование правилам (например, Германия), в других – преимущественно внутренняя мотивация (например, Франция).

3. Ценности Власти имеют ограниченное влияние на приемлемость коррупции на индивидуальном уровне. Среди четырех стран нам удалось обнаружить связь ценности Власть–Ресурсы с приемлемостью коррупции только в российской выборке. Ценность Власть–Доминирование не связана с приемлемостью коррупции. Таким образом, на индивидуальном уровне мы не получили подтверждения данным о том, что ориентация личности на власть и доминирование автоматически несет в себе коррупционные риски. Вероятно, в данном случае наиболее важный фактор – ценности и нормы той среды, в которую включен человек с высокими значениями ценностей Власти.

4. Ценность Безопасность–Личная не влияет на приемлемость коррупции ни в одной из четырех стран. Таким образом, личная безопасность не является достаточно сильным фактором, побуждающим людей к избеганию ситуаций, связанных с коррупцией. Это позволяет прийти к заключению, что ужесточением законов сложно добиться улучшения ситуации с коррупцией. Более жесткие законы апеллируют к индивидуальным ценностям безопасности, но эти ценности не связаны с отношением личности к коррупции.

В то же время мы не можем не указать и на ограничения, присущие нашему исследованию. Основное из них – выборка стран. У нас это были европейские страны, включая Россию при всей ее специфике. Поэтому остается открытым вопрос, насколько будут воспроизводимы данные результаты в иных культурных ареалах.

Существенное ограничение результатов исследования – сфера применения авторской шкалы приемлемости коррупции. Поскольку она была валидизирована только для четырех стран (Россия, Германия, Франция и Латвия) и мультигрупповой анализ использовался для определения инвариантности ситуаций именно для этих стран, то она должна дорабатываться и модифицироваться при ее использовании в других странах. Также она может иметь ограниченные возможности в странах с большой культурной дистанцией по отношению к четырем странам, в которых она апробировалась. Для стран, принадлежащих к иным культурным ареалам (например, государств Африки или Латинской Америки), ситуации коррупции, представленные в методике, могут оказаться совершенно нерелевантными.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ШКАЛА ОЦЕНКИ ПРИЕМЛЕМОСТИ КОРРУПЦИИ

Пожалуйста, оцените, насколько для вас допустимы следующие виды поведения:	Не допустимо	Скорее не допустимо	Не допустимо и допустимо в равной мере	Скорее допустимо	Допустимо
1. Государственный служащий принимает на работу в госучреждение члена семьи или друга, а не другого кандидата с более высокой квалификацией	1	2	3	4	5
2. Один из членов супружеской пары предлагает хирургу деньги, чтобы его (ее) супругу (супруга) прооперировали вне очереди в государственной клинике	1	2	3	4	5
3. Для получения разрешения на строительство требуется от 3 до 6 месяцев. Бизнесмен предлагает государственному служащему деньги, чтобы получить это разрешение за две недели	1	2	3	4	5
4. Водитель совершил серьезное нарушение правил дорожного движения и, чтобы избежать лишения водительских прав, предлагает полицейскому деньги	1	2	3	4	5
5. Родитель предлагает директору престижной школы деньги, чтобы его ребенка взяли без дополнительных испытаний	1	2	3	4	5
6. Бизнесмен предлагает деньги налоговому инспектору, чтобы избежать штрафа	1	2	3	4	5
7. Пациент предлагает врачу деньги, чтобы тот поставил ему определенный диагноз, благодаря которому он сможет получить нужные ему льготы	1	2	3	4	5
8. Родитель предлагает деньги директору государственного детского сада, чтобы его ребенка взяли вне очереди	1	2	3	4	5

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бинюкова И. С. (2012) Социальный капитал как сила в борьбе с коррупцией // *Культура. Духовность. Общество*. № 1. С. 188–122.
- Знаков В. В. (1997) Понимание правды и лжи в русской историко-культурной традиции // *Этническая психология и общество*. М.: Старый сад. С. 119–126.
- Средний размер взятки вырос в России за год почти в три раза (<http://www.interfax.ru/russia/464512>).
- Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С. (2012) Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. Т. 9. № 2. С. 43–70.
- Bardi A., Schwartz S. (2003) Values and Behavior: Strength and Structure of Relations // *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 29. No. 10. Pp. 1207–1220.

- Belianin A.V., Kosals L.Y. (2015) Collusion and Corruption: an Experimental Study of Russian Police. Working Papers by NRU "Higher School of Economics". Ser. WP9 "Исследования по экономике и финансам". No. WP9/2015/03.
- Bendahan S., Zehnder C., Pralong F., Antonakis J. (2015) Leader Corruption Depends on Power and Testosterone // *The Leadership Quarterly*. Vol. 26. No. 2. Pp. 101–122.
- Berninghaus S.K., Haller S., Krüger T., Neumann T., Schosser S., Vogt B. (2013) Risk Attitude, Beliefs, and Information in a Corruption Game – an Experimental Analysis // *Journal of Economic Psychology*. Vol. 34. Pp. 46–60.
- Braithwaite V. (1997) Harmony and Security Value Orientations in Political Evaluation // *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 23. No. 4. Pp. 401–414.
- Cameron L.A., Chaudhuri A., Erkal N., Gangadharan L. (2005) Do Attitudes towards Corruption Differ Across Cultures? Experimental Evidence from Australia, India, Indonesia and Singapore. Working Paper No. 943. The University of Melbourne.
- Chang E.C., Kerr N.N. (2009) Do Voters Have Different Attitudes toward Corruption? The Sources and Implications of Popular Perceptions and Tolerance of Political Corruption. Institute for Democracy in South Africa. Afrobarometr 10 years. Working paper No. 116.
- Davis J.H., Ruhe J. (2003) Perceptions of Country Corruption: Antecedents and Outcomes // *Journal of Business Ethics*. Vol. 43. No. 4. Pp. 275–288.
- Della Porta D., Vannucci A. (1999) *Corrupt Exchanges: Actors, Resources, and Mechanisms of Political Corruption*. New York: Aldine de Gruyter.
- Dong B., Torgler B. (2009) Corruption and Political Interest: Empirical Evidence at the Microlevel // *Journal of Interdisciplinary Economics*. Vol. 21. Pp. 295–326.
- Dong B., Dulleck U., Torgler B. (2012) Conditional Corruption // *Journal of Economic Psychology*. Vol. 33. Pp. 609–627.
- Guerrero M., Rodríguez-Oreggia E. (2008) On the Individual Decisions to Commit Corruption: a Methodological Complement // *Journal of Economic Behavior and Organization*. Vol. 65. Pp. 357–372.
- Gupta S., Davoodi H., Alonso-Terme R. (2002) Does Corruption Affect Income Inequality and Poverty? // *Economics of Governance*. Vol. 3. No. 1. Pp. 23–45.
- Heidenheimer A.J. (1989) Perspectives on the Perception of Corruption // A.J. Heidenheimer, M. Johnston and V.T. LeVine (eds) *Political Corruption: a Handbook*. New Brunswick (N.J.): Transaction Publishers. Pp. 149–163.
- The Hofstede Centre: Strategy, Culture, Change. What about Russia? (<http://geert-hofstede.com/russia.html>).
- Husted B. (1999) Wealth, Culture and Corruption // *Journal of International Business Studies*. Vol. 30. No. 2. Pp. 339–346.
- Inglehart R., Baker W. (2000) Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. Vol. 65. Pp. 19–51.
- Judge T.A., LePine J.A., Rich B.L. (2006) Loving Yourself Abundantly: Relationship of the Narcissistic Personality to Self- and Other Perceptions of Workplace Deviance, Leadership, and Task and Contextual Performance // *Journal of Applied Psychology*. Vol. 91. No. 4. Pp. 762.
- Judge T.A., Piccolo R.F., Kosalka T. (2009) The Bright and Dark Sides of Leader Traits: a Review and Theoretical Extension of the Leader Trait Paradigm // *The Leadership Quarterly*. Vol. 20. No. 6. Pp. 855–875.
- Klaveren V.J. van (1989) The Concept of Corruption // A.J. Heidenheimer, M. Johnston and V.T. LeVine (eds) *Political Corruption: a Handbook*. New Brunswick (N.J.): Transaction Publishers. Pp. 89–91.
- Kubiak A. (2001) Corruption in Everyday Experience. Report on the Survey (<http://www.batory.org.pl>).
- Lambsdorff J.G. (2006) Causes and Consequences of Corruption: What do We Know from a Cross-Section of Countries? // *International Handbook on the Economics of Corruption*. Cheltenham: Edward Elgar. Pp. 3–51.
- Lui F. (1986) Dynamic Model of Corruption Deterrence // *Journal of Public Economics*. Vol. 31. No. 2. Pp. 215–236.
- Mansilla H. (2003) The Traditional Mentality as an Obstacle to Democratization in Bolivia // *Psicología Política*. Vol. 26. Pp. 25–40.
- Meon P.-G., Sekkat K. (2005) Does Corruption Grease or Sand the Wheels of Growth? // *Public Choice*. Vol. 122. Pp. 69–97.
- Mocan N. (2008) What Determines Corruption? International Evidence from Microdata // *Economic Inquiry*. Vol. 46. No. 4. Pp. 493–510.
- Pande S., Jain N. (2014) Relation Between Personal Values and Corruption Permissiveness of Government Servants in India and the Moderating Role of Dissatisfaction with the Financial Condition of the Family // *International Review of Public Administration*. Vol. 19. No. 2. Pp. 126–142.

- Park H. (2003) Determinants of Corruption: a Cross-National Analysis // *The Multinational Business Review*. Vol. 11. No. 2. Pp. 29–48.
- Rohan M.J., Zanna M.P. (1996) Value Transmission in Families // Seligman C., Olson J.M., Zanna M.P., (eds). *The Psychology of Values*. Mahwah (New Jersey): Laurence Erlbaum. Vol. 8. Pp. 253–276.
- Sandholtz W., Taagepera R. (2005) Corruption, Culture, and Communism // *International Review of Sociology*. Vol. 15. Pp. 109–131.
- Schwartz S.H. (1994) Are There Universal Aspects in the Content and Structure of Values? // *Journal of Social Issues*. Vol. 50. No. 4. Pp. 19–45.
- Schwartz S.H. (2005) Basic Human Values: Their Content and Structure Across Countries // A. Tamayo, J.B. Porto (eds). *Valores e Comportamento nas Organizações*. Petrópolis, Brazil: Vozes. Pp. 21–55.
- Schwartz S.H. (1992) Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25. No. 1. Pp. 1–65.
- Schwartz S.H. (2004) Mapping and Interpreting Cultural Differences around the World // *Comparing Cultures: Dimensions of Culture in a Comparative Perspective* / Ed. by H. Vinken, J. Soeters, P. Ester. Leiden, The Netherlands: Brill. Pp. 43–73.
- Schwartz S.H. (2006) Les valeurs de base de la personne: théorie, mesures et applications // *Revue française de sociologie*. Vol. 47. No. 4. Pp. 929–968.
- Schwartz S.H., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. (2012) Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primeneniye v Rossii [Refined Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. Vol. 9. No. 2. Pp. 43–70.
- Schwartz S.H., Caprara G., Vecchione M. (2010) Basic Personal Values, Core Political Values and Voting: A Longitudinal Analysis // *Political Psychology*. Vol. 31. Pp. 421–452.
- Schwartz S.H., Vecchione M., Fischer R., Ramos A., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Cieciuch J., Davidov E., Beierlein C., Verkasalo M., Lönnqvist J.-E., Konty M. (2012) Refining the Theory of Basic Individual Values // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 103. No. 4. Pp. 663–688.
- Svensson J. (2005) Eight Questions about Corruption // *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 19. No. 3. Pp. 19–42.
- Torgler B., Valev N.T. (2006) Corruption and Age // *Journal of Bioeconomics*. Vol. 8. No. 2. Pp. 133–145.
- Torgler B., Valev N. (2010) Gender and Public Attitude toward Corruption and Tax Evasion // *Contemporary Economic Policy*. Vol. 28. Pp. 554–568.
- Transparency International (2015) Table of Results: Corruption Perceptions Index 2015 (<http://www.transparency.org/cpi2015#results-table>).
- Welzel C. (2010) How Selfish are Self-Expression Values? A Civicness Test // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 41. No. 2. Pp. 152–174.
- Welzel C., Inglehart R. (2010) Values, Agency, and Well-Being: a Human Development Model // *Social Indicators Research*. Vol. 97. Pp. 43–63.
- Welzel C., Inglehart R., Klingemann H. (2003) The Theory of Human Development: a Cross-Cultural Analysis // *European Journal of Political Research*. Vol. 42. Pp. 341–379.

Basic Values and Attitude toward Corruption: Cross-Cultural Analysis

*A. TATARKO**, *A. MIRONOVA***

* **Tatarko Alexander** – PhD in psychology, associate professor of Psychology Department in National Research University “Higher School of Economics”, leading researcher in International Laboratory for Socio-cultural Research. Address: 46b, Volgogradsky av., Moscow, 109316, Russian Federation. E-mail: tatarko@yandex.ru

** **Mironova Anna** – trainee researcher of International Scientific-educational Laboratory of Socio-cultural Research, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 46b, Volgogradsky av., Moscow, 109316, Russian Federation. E-mail: nusa13@rambler.ru

Abstract

This research is aimed at finding the cultural and psychological factors that influence individual attitudes towards corruption. The following research methods were applied: 1) PVQ-R (Shalom H. Schwartz); 2) Methods of assessing the acceptability of corruption behavior (author's proprietary method). The sample includes several subgroups: Russians (N=269), Latvians (N=178), Germans (N=101), and French (N=108). Multigroup structural equation modeling was used for data processing. The research revealed a number of regular patterns for the four groups under consideration. *Conformity–Rules* and *Universalism–Concern* values were negatively related to the acceptability of corruption. These values act as limiters for corruption behavior. The report also describes culture-specific relations between values and the acceptability of corruption. For instance, *Power–Resources* values were positively related to the acceptability of corruption.

Keywords: corruption, corruption behavior, individual values, corruption acceptability, cross-cultural analysis.

REFERENCES

- Bardi A., Schwartz S. (2003) Values and Behavior: Strength and Structure of Relations. *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 29, no. 10, pp. 1207–1220.
- Belianin A. V., Kosals L. Y. (2015) Collusion and Corruption: an Experimental Study of Russian Police. *Working Papers by NRU “Higher School of Economics”*. Ser. WP9 “Economics and Finance Research”, no. WP9/2015/03.
- Bendahan S., Zehnder C., Pralong F., Antonakis J. (2015) Leader Corruption Depends on Power and Testosterone. *The Leadership Quarterly*, vol. 26, no. 2, pp. 101–122.
- Berninghaus S. K., Haller S., Krüger T., Neumann T., Schosser S., Vogt B. (2013) Risk Attitude, Beliefs, and Information in a Corruption Game – An Experimental Analysis. *Journal of Economic Psychology*, vol. 34, pp. 46–60.
- Binjukova I. S. (2012) Social'nyj kapital kak sila v bor'be s korrupciej [Social Capital as a Force in the Fight Against Corruption]. *Kul'tura. Duhovnost'. Obshchestvo*. [Culture. Spirituality. Society], vol. 1, pp. 188–122.
- Braithwaite V. (1997) Harmony and Security Value Orientations in Political Evaluation. *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 23, no. 4, pp. 401–414.
- Cameron L. A., Chaudhuri A., Erkal N., Gangadharan L. (2005) *Do Attitudes toward Corruption Differ Across Cultures? Experimental Evidence from Australia, India, Indonesia and Singapore*. Working Paper No. 943. The University of Melbourne.
- Chang E. C., Kerr N. N. (2009) *Do Voters Have Different Attitudes toward Corruption? The Sources and Implications of Popular Perceptions and Tolerance of Political Corruption*. Institute for Democracy in South Africa. *Afrobarometer 10 years*. Working Paper No. 116.
- Davis J. H., Ruhe J. (2003) Perceptions of Country Corruption: Antecedents and Outcomes. *Journal of Business Ethics*, vol. 43, no. 4, pp. 275–288.
- Della Porta D., Vannucci A. (1999) *Corrupt Exchanges: Actors, Resources, and Mechanisms of Political Corruption*. New York: Aldine de Gruyter.
- Dong B., Dulleck U., Torgler B. (2012) Conditional Corruption. *Journal of Economic Psychology*, vol. 33, pp. 609–627.
- Dong B., Torgler B. (2009) Corruption and Political Interest: Empirical Evidence at the Microlevel. *Journal of Interdisciplinary Economics*, vol. 21, pp. 295–326.
- Guerrero M., Rodríguez-Oreggia E. (2008) On the Individual Decisions to Commit Corruption: a Methodological Complement. *Journal of Economic Behavior and Organization*, vol. 65, pp. 357–372.
- Gupta S., Davoodi H., Alonso-Terme R. (2002) Does Corruption Affect Income Inequality and Poverty? *Economics of Governance*, vol. 3, no. 1, pp. 23–45.
- Heidenheimer A. J. (1989) Perspectives on the Perception of Corruption. *Political Corruption: a Handbook*. A. J. Heidenheimer, M. Johnston and V. T. LeVine (Eds). New Brunswick (New Jersey): Transaction Publishers, pp. 149–163.
- The Hofstede Centre: Strategy, Culture, Change. What about Russia? (<http://geert-hofstede.com/russia.html>).
- Husted B. (1999) Wealth, Culture and Corruption. *Journal of International Business Studies*, vol. 30, no. 2, pp. 339–346.
- Inglehart R., Baker W. (2000) Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*, vol. 65, pp. 19–51.
- Judge T. A., LePine J. A., Rich B. L. (2006) Loving Yourself Abundantly: Relationship of the Narcissistic Personality to Self-and Other Perceptions of Workplace Deviance, Leadership, and Task and Contextual Performance. *Journal of Applied Psychology*, vol. 91, no. 4, pp. 762.

- Judge T.A., Piccolo R.F., Kosalka T. (2009) The Bright and Dark Sides of Leader Traits: a Review and Theoretical Extension of the Leader Trait Paradigm. *The Leadership Quarterly*, vol. 20, no. 6, pp. 855–875.
- Kubiak A. (2001) *Corruption in Everyday Experience. Report on the Survey* (<http://www.batory.org.pl>).
- Lambsdorff J.G. (2006) Causes and Consequences of Corruption: What do We Know from a Cross-section of Countries? *International Handbook on the Economics of Corruption*. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 3–51.
- Lui F. (1986) Dynamic Model of Corruption Deterrence. *Journal of Public Economics*, vol. 31, no. 2, pp. 215–236.
- Mansilla H. (2003) The Traditional Mentality as an Obstacle to Democratization in Bolivia. *Psicología Política*, vol. 26, pp. 25–40.
- Meon P.-G., Sekkat K. (2005) Does Corruption Grease or Sand the Wheels of Growth? *Public Choice*, vol. 122, pp. 69–97.
- Mocan N. (2008) What Determines Corruption? International Evidence from Microdata. *Economic Inquiry*, vol. 46, no. 4, pp. 493–510.
- Pande S., Jain N. (2014) Relation between Personal Values and Corruption Permissiveness of Government Servants in India and the Moderating Role of Dissatisfaction with the Financial Condition of the Family. *International Review of Public Administration*, vol. 19, no. 2, pp. 126–142.
- Park H. (2003) Determinants of Corruption: a Cross-National Analysis. *The Multinational Business Review*, vol. 11, no. 2, pp. 29–48.
- Rohan M.J., Zanna M.P. (1996) Value Transmission in Families. *The Psychology of Values*. Seligman C., Olson J.M., Zanna M.P. (Eds). Mahwah (N.J.): Laurence Erlbaum, vol. 8, pp. 253–276.
- Sandholtz W., Taagepera R. (2005) Corruption, Culture, and Communism. *International Review of Sociology*, vol. 15, pp. 109–131.
- Schwartz S.H. (1994) Are There Universal Aspects in the Content and Structure of Values? *Journal of Social Issues*, vol. 50, no. 4, pp. 19–45.
- Schwartz S.H. (2005) Basic Human Values: Their Content and Structure across Countries. *Valores e Comportamento nas Organizações*. A. Tamayo, J.B. Porto (Eds). Petrópolis (Brazil): Vozes, pp. 21–55.
- Schwartz S.H. (2004) Mapping and Interpreting Cultural Differences around the World. *Comparing Cultures: Dimensions of Culture in a Comparative Perspective*. Ed. by H. Vinken, J. Soeters, P. Ester. Leiden (The Netherlands): Brill, Pp. 43–73.
- Schwartz S.H. (1992) Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, vol. 25, no. 1, pp. 1–65.
- Schwartz S.H. (2006) Les valeurs de base de la Personne: Théorie, Mesures et Applications. *Revue Française de Sociologie*, vol. 47, no. 4, pp. 929–968.
- Schwartz S.H., Caprara G., Vecchione M. (2010) Basic Personal Values, Core Political Values and Voting: a Longitudinal Analysis. *Political Psychology*, vol. 31, pp. 421–452.
- Schwartz S.H., Vecchione M., Fischer R., Ramos A., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Ciecuch J., Davidov E., Beierlein C., Verkasalo M., Lönnqvist J.-E., Konty M. (2012) Refining the Theory of Basic Individual Values. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 103, no. 4, pp. 663–688.
- Srednij razmer vzjatki vyros v Rossii za god pochti v tri raza* [The Average Size of Bribes in Russia Have Grown Almost Thrice] (<http://www.interfax.ru/russia/464512>).
- Svensson J. (2005) Eight Questions about Corruption. *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 19, No 3, pp. 19–42.
- Torgler B., Valev N. (2010) Gender and Public Attitude toward Corruption and Tax Evasion. *Contemporary Economic Policy*, vol. 28, pp. 554–568.
- Torgler B., Valev N. T. (2006) Corruption and Age. *Journal of Bioeconomics*, vol. 8, no. 2, pp. 133–145.
- Transparency International (2015) Table of Results: Corruption Perceptions Index 2015 (<http://www.transparency.org/cpi2015#results-table>).
- Van Klaveren V.J. (1989) The Concept of Corruption. *Political Corruption: a Handbook*. A.J. Heidenheimer, M. Johnston and V.T. LeVine (Eds). New Brunswick (N.J.): Transaction Publishers, pp. 89–91.
- Welzel C. (2010) How Selfish are Self-Expression Values? A Civicness Test. *Journal of Cross-cultural Psychology*, vol. 41, no. 2, pp. 152–174.
- Welzel C., Inglehart R. (2010) Values, Agency, and Well-Being: a Human Development Model. *Social Indicators Research*, vol. 97, pp. 43–63.
- Welzel C., Inglehart R., Klingemann H. (2003) The Theory of Human Development: a Cross-cultural Analysis. *European Journal of Political Research*, vol. 42, pp. 341–379.
- Znakov V.V. (1997) Ponimanie pravdy i lzhi v russkoj istoriko-kul'turnoj tradicii [Understanding the Truth and Falsehood at the Russian Historical and Cultural Traditions]. *Jenitskaja psihologija i obshchestvo* [Ethnic Psychology and Society] Moscow: Stariy Sad, pp. 119–126.